

ОБРАЗ БАБОЧКИ И ЭЛЕГИЧЕСКИЙ КОД В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Понятие кода (например, «как система предпочтительного выбора тех или иных семантических и синтаксических средств, как система предпочтений»¹) широко используется в современной научной практике. Наряду с существованием общелитературного, лингвистического, жанрового и др. кодов, предположим возможность анализа постмодернистского произведения с точки зрения наличия в нем кода, связанного с тем или иным типом эстетического завершения. Обратимся к элегическому коду. Проанализируем произведения, принадлежащие разным авторам, с целью выявления возможных общих элегических тенденций.

Из комплекса элегических мотивов, порожденных элегическим типом художественной целостности², остановимся на мотиве недолговечности человеческой жизни, часто связанного с образом насекомых (мотылька, бабочки), короткая жизнь которых уподобляется недолгой жизни человека. Мифопоэтическое значение образов мотылька, бабочки позволяет актуализировать в элегическом произведении смыслы, вызванные представлением об элегическом «я» как малом, смертном субъекте. Соединение символики, связанной с мифопоэтическим значением образов бабочки, мотылька, с элегическим и ироническим контекстами происходит в предромантической поэзии. Проанализируем, например, стихотворение У. Блейка «The Fly»³, переведенное С. Маршаком⁴ и Н.В. Мошкиной:

W. Blake, «The fly»

Little Fly

С. Маршак, «Муха»

Бедняжка-муха,

Thy summer's play
My thoughtless hand
Has brush'd away.

Твой летний рай
Смахнул рукою
Я невзначай.

Am not I
A fly like thee?
Or art not thou
A man like me?

Я – тоже муха:
Мой краток век
А чем ты, муха,
Не человек?

For I dance
And drink and sing,
Till some blind hand
Shall brash my wing;

Ведь я играю,
Пою, пока
Меня слепая
Сметет рука.

If thought is life
And strength and breath,
And the want
Of thoughts is death;

Коль в мысли сила,
И жизнь, и свет,
И там могила,
Где мысли нет, –

Then am I
A happy fly,
If I live,
Or if I die.

Так пусть умру я
Или живу, –
Счастливой мухой
Себя зову.

Н.В. Мошкина переводит строку У. Блейка «Little fly» как «Маленький мотылек», предваряя подстрочный перевод замечанием следующего характера: «в 18 веке a fly означало любое маленькое насекомое»⁵. В пере-

воде стихотворения Н.В. Мошкиной можно выделить, на наш взгляд, элегические смыслы, элегические мотивы:

Маленький Мотылек,
Твою летнюю игру
Моя бездумная рука
Смела прочь.

Не есть ли я
Мотылек, как ты?
Или не есть ты
Человек, как я?

Ведь я танцую,
И пью и пою,
Пока какая-нибудь слепая рука
Не сметет мое крыло;

Если мысль – это жизнь,
и сила, и дыхание,
А отсутствие (необходимость, желание)
Мысли – смерть,

Тогда я есть
Счастливый мотылек,
Если я живу
Или если я умираю.

В подстрочном переводе Н.В. Мошкиной присутствуют элегическая характеристика недолгого существования мотылька («летняя игра») и мотив мизерности, малости («маленький мотылек»), мотив подвижности, неприкрепленности к конкретному пространству, связанный с образами танца, крыла. В подстрочнике есть и мотивы предопределенности («слепая рука сметет») и несвободы («я счастливый мотылек, если я живу или если я умираю»), отсылающие уже к романтической иронии, двойственности человеческой природы (человек – одновременно «мысль, сила и дыхание» и «смерть»). В последней строфе возникает мотив круга, замкнутости: выбирает лирический субъект мысль, жизнь или смерть, – он всего лишь «счастливый мотылек».

В версии С. Маршака a fly переводится как муха, что способствует, на наш взгляд, созданию иронического смысла произведения. В отличие от нейтрального образа маленького насекомого и элегического образа мотылька, образ мухи представляет собою поэтически сниженный образ (ассоциируется с бытом, миром изобилия). Последние строки «Счастливой мухой / Себя зову» указывают на наличие иронии, вызванной стремлением лирического героя проявлять активность (герой определяет свою сущность, дает себе имя) в завершении себя и мира, в то время как сам он находится в руках судьбы.

В стихотворении У. Блейка «The Fly» композиция, построенная на параллелизме, сочетается с кольцевой. Элегические мотивы преодолеваются ироническими, сравнение жизни лирического героя с короткой жизнью насекомого сменяется мотивами нечеткости границ между миром человека и миром насекомого, между мыслью и ее отсутствием, жизнью и смертью, свободой и предопределенностью, возможностью и невозможностью счастья.

Известное стихотворение А. Фета «Бабочка»⁶ построено как ответ-реплика, частично воспроизводящий вопросы «собеседника», предпола-

гаемого участника диалога, названного в тексте стихотворения «ты». Центральной словесной темой данного произведения является тема недолговечности бабочки. «Воздушное очертанье», «живое миганье», бесцельность, легкость, дыхание, сверкание – образы, характеризующие бабочку и способствующие созданию символического значения произведения, посвященного красоте, искусству, квинтэссенции жизни и ритма, их самоценности. Стихотворение написано вольным размером, в тексте чередуются строки 2 и 5-стопного ямба, длинные стихи перемежаются короткими. Часть длинных строк может быть рассмотрена как отголоски вопросительных реплик несуществующего, но предполагаемого собеседника, которому «отвечает» бабочка. В стихотворении отражены две точки зрения на существование бабочки: точка зрения «ты», связанная с образами со значением «недостаточности» качества («одним воздушным очертаньем», «лишь два крыла»), и «точка зрения» бабочки, не спорящей, но соглашающейся с «ты» («Ты прав...»). Чередование длинных и коротких стихов создает ритм, напоминающий ритм дыхания, ассоциирующийся с одной из характеристик образа бабочки, с легкостью, движением ее крыльев. На уровне строфики чередование стихов разного размера создает рисунок, напоминающий бабочку с развернутыми крыльями.

Пространственная характеристика образа бабочки развивает мотив недолговечности существования всего, что она символизирует: «Здесь на цветок я легкий опустилась». Пространство здесь по-элегически мало (цветок), сконцентрировано («здесь»), «уединенно». Цветок «по самой своей природе это символ мимолетности, весны и красоты» и, одновременно, «образ «Центра» и архетипический образ души»⁷, «Бога»⁸. Возникает ассоциация со строками У. Блейка: «В одном мгновенье видеть вечность и небо в чашечке цветка». Образы бабочки и цветка в данном стихотворении являются контекстуальными синонимами. По логике романтической иронии, в данном случае «лишь два крыла», ничто, символизируют жизнь. Времен-

ная характеристика образа бабочки («вот-вот сейчас») связана с элегическими временными параметрами, краткостью, раздробленностью времени на мгновения. На уровне ритмической композиции выделяются последние два стиха «Бабочки»:

Вот-вот сейчас, сверкнув, раскину крылья
И улечу.

В единственном стихе, написанным пятистопным ямбом, отсутствуют отступления ритма от метра, и имеется пропуск метрического ударения на первой стопе в коротком стихе. Выделяются строки, содержащие такие элегические временные характеристики образа бабочки, как краткость, мгновенность ее существования, способствующие формированию мотивов движения, неприкрепленности к постоянному пространству, «странничества». Наличием единственного в стихотворении сверхсхемного ударения (на первой стопе) маркируется строка, содержащая элегические характеристики малого, точечного пространства: «Здесь на цветок я легкий опустилась».

В стихотворении И.А. Бунина «Настанет день – исчезну я»⁹ образ бабочки связан с мотивом недолговечности человеческой жизни и, одновременно, с мотивом природы, лишенной рефлексии. Основным событием, определяющим особенности мироощущения лирического героя стихотворения И.А. Бунина, является день грядущей смерти. Все стихотворение является «мечтой» о мире, в котором уже не будет «я» героя. Основной оппозицией произведения выступает противопоставление «исчезну я, а в этой комнате пустой все то же будет», определяющее особенности синтаксической композиции, в сочинительных конструкциях закрепляющей мысль о неизменности (все то же будет) и продолжении существования мира после смерти героя. В стихотворении глаголу совершенного вида

«исчезну», связанному с местоимением «я», противопоставлены глаголы несовершенного вида будущего сложного времени «будет залетать, порхать, манить, шуршать, трепетать, смотреть». В мире без лирического героя продолжится движение, направленное на преодоление ограниченности земного существования. Это попытки преодоления лишены осознанности, направленности, перспективности и соотносятся с движением в мире природном, с образом бабочки, символизирующей красоту, яркость, легкость, мгновенность жизни:

И так же будет залетать
Цветная бабочка в шелку –
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку.

Каждая строфа содержит параметры замкнутого пространства – комната (в первой строфе), «голубой потолок» (вторая строфа), «неба дно» (третья строфа), – актуализирующие мотив несвободы, ограниченности. Образы «голубой потолок» и «неба дно» являются контекстуальными синонимами. В соотношении внутреннего (человеческого) пространства и внешнего (природного) присутствует направленность в мир внутренний: «будет залетать бабочка», «будет неба дно смотреть в открытое окно». В данном тексте происходит постепенное размыкание границ между предметным миром и природой, открытое окно символизирует распахнутость, готовность к приятию присущих человеку иллюзий, связанных с представлением о свободе:

И так же будет неба дно
Смотреть в открытое окно,
И море ровной синевой

Манить в простор пустынный свой.

Образ пустынного простора связан с мотивом отсутствия души и сознания в мире. Присутствие или отсутствие в нем человека ничего не меняет.

На уровне ритмической композиции в стихотворении маркируется строка, в которой метрическая и ритмическая композиции совпадают: «Настанет день – исчезну я». Ритмически выделяется стих, содержащий центральную тему знания о смерти лирического «я». Последняя строка стихотворения имеет то же совпадение ритмической и метрической композиций: «Манить в простор пустынный свой». Это стих содержит тему иллюзорности человеческих надежд в отношении окружающего бытия, лишённого души («пустынный простор» был таким же и при жизни лирического «я»). Первая и последняя строки, таким образом, создают ритмическое кольцо, как создается тематическое кольцо, связанное с развитием с повторением мотива ограниченности человеческого знания и пустоты окружающего мира.

Перед нами, как и в стихотворении У. Блейка «Мотылек», соединение элегических и иронических мотивов. Ирония в стихотворении И.А. Бунина «Настанет день – исчезну я» преобладает, человек ограничен в своем стремлении обрести свободу, а мир предстает как экзистенциальная пустота¹⁰. Образ бабочки связан со скрытым параллелизмом: тщетные усилия человека преодолеть заданные рамки земного существования уподобляются усилиям бабочки вырваться за пределы потолка, комнаты.

Образ бабочки соотносится с мотивами недолговечности и предопределенности и в японской лирике. В поэзии М. Басе есть стихотворение, в котором присутствует образ бабочки, связанный с мотивом бренности человеческого существования:

И осенью хочется жить
Этой бабочке: пьет торопливо
С хризантемы росу¹¹. (Перевод В.Н. Марковой.)

В.Н. Маркова, исследователь японской литературы, говорит о настроении саби, характерном для поэзии М. Басе и, на наш взгляд, присущем стихотворению о бабочке. Понятие саби является одним из важнейших в символике японского искусства: «“Саби” происходит от того же корня, что и имя прилагательное “сабиси” – “одинокий”, “печальный” <...> в саби был оттенок ужаса перед миром»¹². Саби у М. Басе «становится художественным методом познания скрытой сущности мира, понимаемой как “бездеятельная, неизменная вселенная”»¹³.

Изысканное и простое, скрытая красота уходящего мгновения выражается в образе бабочки на цветке. Через малое и частное, образы недолговечных бабочки, цветка и росы постигается смысл бытия: «здесь преодолено частичное и частное понимание вещей: мир увиден через единичное, одинокое, печальное в его отрешенной и сокровенной красоте»¹⁴. В стихотворении М. Басе темы красоты, смертности, мгновения, вечности объединяются в символике бабочки. Текст, безусловно, представляет собою отражение поэтического канона, традиции, но содержит и личное начало, необходимое в традиции дзэн-буддизма для просветления-освобождения¹⁵. Можно сравнить светлую печаль саби, связанную с образом бабочки стихотворения М. Басе, с элегической печалью.

В творчестве В. Набокова бабочка является «среди многих “именных знаков” одним из самых узнаваемых и постоянных»¹⁶. Стихотворение «Бабочка» В. Набокова написано гекзаметром. Это подражание античному размеру неизбежно влечет за собою образный ряд, связанный с темами вечности, искусства, красоты. Можно говорить о метрических ассоциациях, ведущих к античной элегии и элегическому дистиху. Эпический, длин-

ный размер стихотворения придает образу набоковской бабочки определенную монументальность. Стремление автора подчеркнуть связь с поэтической традицией проявляется также в наличие аллюзии на стихотворение А. Фета «Здравствуй! Тысячу раз мой привет тебе, ночь!» (у В. Набокова: «Здравствуй, о, здравствуй, греза березовой северной рощи!»¹⁷).

Традиционно бабочка соотносится с образом цветка, в стихотворении В. Набокова бабочка находится на стволе («Села на ствол, и дышат зубчатые нежные крылья»). Мифопоэтическое значение подобной пространственной характеристики – в прямой аналогии с мировым деревом. Бабочка расположена «на стволе» мирового дерева, на оси мира, в центре вселенной. Мгновение и вечность, таким образом, как и в стихотворении М. Басе, рассмотренном выше, соединяются в образе бабочки. Бабочка у В. Набокова – это символ центра мира, Бога («О, как ликуют они, как мерцают божественно!») и искусства. Бабочка-ночь («голубоокая ночь в раме двух палевых зорь») в стихотворении В. Набокова может быть связана не только со стихотворением А. Фета «Здравствуй! Тысячу раз мой привет тебе ночь!», но и с романтическим образом ночи-эроса, символа творчества и гармонии Новалиса из «Гимнов к ночи». Как и в стихотворении И.А. Бунина «Настанет день – исчезну я» («цветная бабочка...по голубому потолку») бабочка у В. Набокова ограничена, заключена в рамки («ночь в раме двух палевых зорь») природой, своей смертностью.

Бабочка в контексте стихотворения В. Набокова соотносится с элегическим мотивом воспоминания, юностью лирического субъекта, его мечтами: «Здравствуй, греза березовой северной рощи! / Трепет и смех, и любовь юности вечной моей». Контекстуальный синонимический образный ряд формирует элегические смыслы: бабочка – греза – березовая северная роща – юность – Серафим. Абсолютной ценностью для лирического «я» является прошлое, воплощенное в образе бабочки, пробуждающей воспоминания о грезах юности.

На первый взгляд, образ Серафима в последних стихах доказывает наличие в произведении элегического мотива воспоминания, воскрешения посредством искусства. С образом Серафима связан мотив избранности и, одновременно, предопределенности, несвободы: «Один из серафимов очищает уста пророка, коснувшись их горящим углем, который он берет клещами с жертвенника, и этим готовится к служению»¹⁸. У В. Набокова Серафим – это имя собственное, выделяется мотив личной судьбы и несвободы; здесь присутствует романтическая (ироническая) трактовка темы творчества: поэт – пророк и марионетка в руках судьбы. Открытость финала стихотворения В. Набокова также может быть соотнесена с романтической иронией, так как встреча с Серафимом, искусством, юностью, бабочкой связаны с планом будущего времени, реальность и мечта разобщены:

Да, я узнаю тебя в Серафиме при дивном свиданье,
Крылья узнаю твои, этот священный узор.

В стихотворениях «Бабочка» и «Муха» И. Бродского преобладает ироническая картина мира. В «Бабочке» в основе произведения – композиционный параллелизм. У И. Бродского, так же как и в стихотворениях У. Блейка «The fly», А. Фета «Бабочка», В. Набокова «Бабочка», бабочка является символом мгновенности существования и вечности, красоты, творчества и ограниченности, несвободы. Как и у В. Набокова, центральной является параллель «красота формы в природе и искусство»:

Когда летишь на луг...
Приобретает форму
Сам воздух вдруг

Так делает перо,
Скользя по глади
Расчерченной тетради,
Не зная про
Судьбу своей строки,
Где мудрость, ересь
Смешались...¹⁹

Элегические характеристики краткого времени бабочки («сказать, что ты мертва? / Но ты жила лишь сутки») и человека в стихотворении И. Бродского включены в рамки иронической целостности. Образ бабочки приобретает в контексте стихотворения привычное ироническое звучание:

Ты лучше, чем Ничто.
Верней: ты ближе
И зримее. Внутри же
на все на сто
ты родственна ему.
В твоём полете
Оно достигло плоти;
И потому
Ты в сутолке дневной
Достойна взгляда
Как легкая преграда
Меж ним и мной²⁰.

В последней строфе «Бабочки» И. Бродского возникает образ Ничто, экзистенциальной пустоты, частью которой является сам человек, чья жизнь, как искусство и форма, – лишь повторяющиеся попытки надеть

мир смыслом. Образ бабочки воплощает собою (в духе романтической иронии) отсутствие четких границ между формой и бесформенностью, смыслом и абсурдом, жизнью и смертью.

В постмодернистском романе Саши Соколова «Школа для дураков» образ бабочки выполняет функцию поэтического слова-сигнала, связанного с комплексом элегических и иронических ассоциаций: «Я замечаю, что бабочка, которая сидит в трех шагах от меня, на излучке высокого снежного свая, расправляет крылья, собираясь взлететь. Я распахиваю калитку и бегу, но бабочка замечает меня раньше, чем успеваю накрыть ее шапкой своей: скрывается меж кустарников и крестов. По колено в снегу бегу я за ней, скорбно, стараясь не глядеть на фотографии тех, кого нет; их лица освещены заходящим солнцем, лица их улыбаются. Сумерки опускаются из глубины неба. Бабочка, мелькавшая иногда тут и там, совсем пропадает. И ты остаешься один среди кладбища»²¹.

Образы бабочки на кладбище, фотографий умерших, воспоминания одинокого ребенка теряют в контексте романа однозначное элегическое значение, так как бабочка – это одновременно и снежинка, а рассказчик лишен целостности мировосприятия (в произведении присутствует мотив болезни, шизофрении). Перед нами образчик постмодернистского дискурса, предполагающего затрудненное восприятие произведения и в то же время обладающего поэтической образностью, направленной на быстрое и сильное воздействие на читателя. Элегический ряд мотивов связан с воспоминанием о прошлом, детстве, с элегической печалью. Отсутствие границ между настоящим и прошлым, воображаемым миром и реальностью формирует особую игровую языковую ситуацию, возрождает иронические смыслы.

Элегический и иронический коды, порожденные образом бабочки, сосуществуют в романе Саши Соколова «Школа для дураков»; создается картина мира, в которой принципиальным является одновременное нали-

чие элементов разных типов художественного оцельнения. Образ-сигнал «бабочка» способствует актуализации мифопоэтических значений, формирующих воспроизводимую связь элементов элегической и иронической поэтики произведения. В проанализированных нами текстах возникают повторяющиеся темы, связанные с бабочкой: мгновение, вечность, искусство, красота, предопределенность, несвобода. В данных произведениях обнаруживается наличие общих черт на композиционном, сюжетном, мифопоэтическом уровнях. Наличие устойчивых и воспроизводимых элементов элегического и иронического позволяет в постмодернистском высказывании, лишенном целостности, опираться в эстетической игре на первоосновные, кодовые модусные смыслы, порождаемые словами-«импульсами» – образами-сигналами.

¹ Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998. С. 161.

² Тюпа В.И. Эстетическая деятельность // Теория литературы: В 2 т. Т. 1. М., 2004. С. 70.

³ Blake W. The Fly // Западная поэзия конца XVIII–XIX веков. М., 1999. С.24.

⁴ Перевод С. Маршака цит. по изданию: Вильям Блейк в переводах С. Маршака. М., 1965. С. 88–89.

⁵ Западная поэзия конца XVIII–XIX веков. М., 1999. С. 24. Перевод Н.В. Мошкиной приводится по этому изданию.

⁶ Далее текст стихотворения «Бабочка» приводится по изданию: Фет А.А. Стихотворения, поэмы; современники о Фете. М., 1988. С. 258.

⁷ Керлот Х.Э. Словарь символов. М., 1994. С. 560.

⁸ Там же. С. 561.

⁹ Бунин И.А. Настанет день – исчезну я // Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. Стихотворения 1888–1952. Переводы. М., 1987. С. 336–337.

¹⁰ См.: Тюпа В.И. Указ. соч. С. 77.

¹¹ Басе Мацуо. И осенью хочется жить // Басе Мацуо. Великое в малом. СПб., 2000. С. 50.

¹² Маркова В.Н. Стихотворение Басе «Старый пруд» // Басе Мацуо. Указ. соч. С. 500.

¹³ Там же. С. 501.

¹⁴ Бройтман С.Н. Историческая поэтика // Теория литературы: В 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 199.

¹⁵ Там же. С. 199.

¹⁶ Бетей Д.М. Изгнание как уход в кокон: образ бабочки у Набокова и Бродского // Русская литература. 1991. № 3. С. 168.

¹⁷ Набоков В. Бабочка // Набоков В. Стихотворения. М., 1991, С. 45.

¹⁸ Мифы народов мира: В 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 427.

¹⁹ *Бродский И.* Бабочка // Избранные стихотворения 1957–1992. М., 1994. С. 239.

²⁰ Там же. С. 240.

²¹ *Соколов С.* Школа для дураков. СПб., 2001. С. 142–143.